

— Следующее письмо от Димы пришло опять через два месяца, оно написано по поводу его встречи со Славиком Ляцким, в беседах преисполненным, как обычно, присущим ему апломбом, не отталкивавшим, впрочем, ни меня, ни Димулю от общения с ним. В письме упоминаются Ирка Лизункова и Танька Рассказчикова - наши с Димулей согруппницы, с которыми нас связывали приятельские отношения ещё со времён крымской практики. Лизункова незадолго до того навестила нас в Калининграде, куда ездила турпоездом со своим "одним другом", как стыдливо она призналась, но друга почему-то с собой не привела. У неё был подарок для Иринки - кино, крутить ручкой и глядеть в глазок мультфильмы, который пришёлся по вкусу Мите. А Митя произвёл сильное впечатление на Лизункову, тогда он был очаровательным двухлетним милашкой.

— А Татьяна Равич-Рассказчикова в очередной раз, значит, разошлась с мужем - Юрой Равичем, невзрачным на вид очкариком, но доктором физматнаук, бывшим хористом физфака, как и Танька (в хоре они и сдружились) и заядлым рыбаком, втянувшим в это дело и Татьяну. Я был у них в гостях и они угощали меня выловленной где-то в им только известных местах Ленинградской области форелью. Я спровоцировал их отправиться на Онежское озеро ловить щук (будучи в Кижях, я, действительно, видел рыбаков в лодке, полной щук, пойманных на спиннинг, но где они ловили - я не узнал). Они поехали, ничего не поймали и проклинали меня почём зря.

— С Равичем Татьяна сходилась и расходилась еще в студенчестве, и мы за них всей группой переживали. Удивлялись Таньке - доходяга, страшилище, а туда же - капризничает, разбирается, Равичем недовольна, где она ещё себе такого мужа найдёт? У Татьяны же, видать, была своя точка зрения на этот счёт. Когда у них родился сын, думалось, утихомирятся. Ан, нет.

— Ну, да это я отвлёкся. Возвращаюсь к Диминому письму.

Ленинград. 17 мая 1977 г.

Дорогой Сашок!

— На днях встретились на улице с Ляцким, а вчера он у меня просидел целый вечер. Я был рад: давно всё-таки не виделись. Но он как был невыносимым, таковым и остался. Сначала пытался выступить апостолом, но поскольку сам не знает - апостолом чего, пришлось эту затею оставить. Знаешь ведь это обычное: "Ах, мы все во что-то верим". Но это таинственное "что-то" обладает только одним свойством, а именно, полной неопределённостью и невыразимостью, так что и всякие разговоры о "чём-то" становятся невозможны. Действительно, во что-то верить можно так, что и мать родная не узнает.

— Следующая роль, которую он на себя пожелал взять, роль обвинителя. Только я не понял чего именно (наверное, христианства, во всяком случае, православия). Обвинять "что-то" таинственное, что в ошеломляющем невежестве совершенно не знаешь, тоже очень трудно. Так, булькотание какое-то.

— Пришлось ограничиться ролью адвоката "культуры" (два последних романа в "Иностранной литературе" и разухабистый спектакль в Театре Комедии). О, бездна премудрости и красоты!

— Всё-таки я был рад его визиту, т.к., мне кажется, он, если и не увидел и не понял, как и чем я сейчас живу, то по меньшей мере это почувствовал. Само по себе это, разумеется, совершенно неважно, но поскольку среди знакомых и незнакомых у них там на Севере относительно моей жизни ходят самые вздорные слухи и нелепые предубеждения, для меня, конечно, безразлично, если эти предубеждения исчезают.

— Была у меня недавно и Ирка Лизункова. Рассказала свою одиссею в Калининграде.

Говорила, что более прелестного ребёнка, чем ваш сынишка, никогда не видела. Охотно верю.

— Видел я недавно и Татьяну Равич. Бедняга мается. Без мужа оказалось не очень сладко.

— Вот какую бурную жизнь я веду. А между тем идёт сессия. Много работаю. Написал семестровое сочинение по герменевтике, сдаю экзамены. Довольно трудно. Скажем, на неделе два сложных экзамена и тут же четыре дня наполовину заняты службами в храме, да несколько занятий пением, и проповедь надо подготовить не кое-как, т.к. слушать тебя будет не одна сотня людей, ну, через месяц каникулы. Может быть, отдохну.

— В моём статусе пока никаких изменений. Постригать меня будут где-нибудь к Рождеству, если всё будет по-прежнему.

— Тему для кандидатской так пока и не выбрал. Глаза разбегаются. Столько сокровищ, что от жадности руки трясутся и всё хочется потрогать.

— Не забывай, пиши. Большой привет Сашуле. Целую обоих,

— Дима.

— И снова следующее письмо от Димули приходит через два месяца.

Ленинград. 10 июля 1977 г.

Дорогой Сашок!

— Спасибо, что не забываешь. Как там тебя угораздило сломать себе ногу! (1)

— (1) *Сломал ногу я ещё в марте. Об этом ниже.*

— В нашем возрасте следует быть уже немного осмотрительнее и не скакать как попало, да, по меньшей мере, сразу обращаться ко врачам. У меня пока кроме лёгких болезней ничего не случается. Наверное, всё ещё впереди. Судя по нашим сверстникам, наше поколение не из самых крепких, что естественно. Если не ошибаюсь, уже трое отправились на тот свет. Все, впрочем, незнакомые за исключением бедняги Крупенниковой Тани. (2)

— (2) *О смерти Тани Крупенниковой нам сообщила телеграммой Зойка Шереметьева. Это случилось зимой. Сашуля была в это время во Владимире, навещала Митю и о несчастье узнала лишь по возвращении оттуда, иначе поехала бы на похороны. У Тани был рак, но мы ничего не знали об этом, и весть об её смерти, конечно, потрясла нас обоих, но особенно Сашулю - ведь это была её лучшая подружка старших школьных и младших студенческих лет. И недолгая её жизнь в замужестве совсем не сложилась, и родившийся ребёнок не спас ни семью, ни Таню... Возможно, начавшаяся болезнь подорвала её психику, а это разрушило семью, а, может, всё наоборот - семейные нелады усугубили или даже вызвали болезнь - кто знает?*

— Обо всех новостях с нашими общими знакомыми я узнаю не сразу, тогда, когда они уже ни для кого не новости, т.к. мало вижусь с университетскими. Новые заботы, новые связи.

— Правда, когда я всё-таки появляюсь на каких-нибудь кафедральных защитах, я имею возможность обозреть всех и со всеми немного побеседовать, то меня удивляет именно то, о чём ты пишешь, т.е. - никто не меняется. Точнее, это меня удивляло раньше, - теперь я уже привык. Генетически заложенные в человеке свойства составляют природу человека, и в порядке природной жизни способны подвергаться лишь большим или меньшим количественным изменениям. Но это не изменение самой природы, т.е. не существенное изменение, поэтому мы и говорим - человек не меняется. Качественное же (существенное) изменение природа может претерпевать лишь под воздействием внеположных ей факторов, иногда это долгий путь эволюции, в редких случаях что-нибудь наглядное и

очевидное, как, например, исцеление евангельского слепорождённого.

— Что до меня, то себя я отношу к первой категории людей, т.е. я всё-таки меняюсь, но не слишком бурно, чтобы меня нельзя было узнать. А в повседневной жизни и вообще изменений мало. Второй курс кончил благополучно, хотя сессия намного труднее, чем это было когда-то на физфаке. Меньше 10-ти экзаменов не бывает. Сказывается объём и сжатость программы. Объём и содержание, мало меняющиеся вот уже больше сотни лет, рассчитаны на головы людей совсем другого среднего образования, нежели то, какое получают в современной школе. И всё надо пройти за 3 года, т.к. на 4-м курсе почти не учатся, но работают, - кто над кандидатской, кто над дипломом. Да и в течение учебного года около половины времени занято всякими праздниками, каникулами и постами. Оставшихся часов - с гулькин нос, но и те заняты бесконечными "послушаниями", т.е. нагрузками разного рода и музыкальными занятиями. Все стонут, но это так, по внешности. На самом деле все очень довольны. Это единственное место из тех, что я видел, где люди работают на совесть, не щадя себя, и не за мзду, а за так. Сейчас я на каникулах, пока ещё не сообразил, что можно бездельничать, и вот не могу собраться никуда выехать. Хотелось бы на юг. Только там ведь курортный ад. Не знаю, как будет. Привет Сашуле. Целую. Дима.

*[\(продолжение следует\)](#)*

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)